

ГЛАВНЫЙ *Вольный театр — 1998—1999*
Новогодние уроки

Мнение

Второй год балетная труппа театра будоражит Москву «Новогодними премьерками». Ставка на молодежь, на новый репертуар придает вечерам особый смысл и особый вкус. Мы обоснованно ждем от них выявления новых имен хореографов, раскрытия новых черт в дарованиях исполнителей. Постановки прошлого года давали основания этим ожиданиям — во всяком случае, тогда казалось, что артисты танцуют с искренним удовольствием. Кроме того, трудно переоценить предоставляемую «Новогодними премьерками» драгоценную возможность примерить неожиданное амплу, предстать в новой, возможно, временной карнавальной маске.

создали мечту о гармоничной паре, причем как бы не поставив ни точки, ни восклицательного знака в финале этой вполне импрессионистской этюдной зарисовки.

«Урок» Флеминга Флиндта представлял постановку, апробированную частым прочтением. По логике, многократно цитируемое произведение имеет проработанные линии поведения героев, оставляя за артистом право их трактовать. Тем более что камерность происходящего сосредотачивает внимание на исполнителях. Грамотно поданный, на сцене должен был блеснуть господин артист. В нашем случае повод блеснуть был удвоен — Сергей Филин смело пренебрег приросшим к нему амплу

прессия движений Хазановой позволяет угадать в ней правительницу бала — это она, а не неврастеничный увлекающийся Учитель знает, что происходит и что еще будет происходить. Она смогла сообщить жестам наполненность, свойственную волевой натуре. И, пожалуй, создала самый сильный в балете образ, что противоречит расстановке сил хореографом, определившим ее роль как главную.

Впечатление от «Урока» осталось неопределенным. Не получился ироничный изящный пустяк, полный юмора и легкости. Не получился и злобевый опус в духе стилизации под декадентскую эстетику начала века. Но все-таки выпутались из ситуации артисты хорошо.

В случае с гостями из Сан-Франциско приходится говорить об обратном — в «Упоении точностью» замысел хореографа Уильяма Форсайта стерся от недостатков исполнения. Спектакль должен был держать отлично задуманная антитеза: непосредственность «пояснения» на заднике, «Голубое небо», лукаво наивный символ возвышенного и духовного — и хореографический текст, нарочито лартерный, земной, призванный показать физическую виртуозность, не претендующую на иные измерения. Противостояние подчеркивалось и акцентами костюмов: спортивные трико мужчин и классические пачки балерин, нижняя часть которых подчеркнута утяжелена черным. Похоже, Форсайт решил посягнуть над тенью Баланина, взяв в союзники агрессивность американской визуальной культуры. При таком замысле исполнительское мастерство должно было быть безупречным. Но таковым не было. Технические огрехи мешали воспринимать спектакль, лишали его необходимого лоска виртуозного стиля.

Таковыми предстали «Новогодние премьеры». По большому счету, чем определялся выбор хореографов и каковы были изначальные требования к постановкам, осталось неясно. В «Перипетиях» сомнительно выглядела оригинальность мышления балетмейстера, в «Уроке» — акценты и стиль изложения текстов. Хорошо бы, если бы «Новогодние премьеры» превратились со временем не просто в традицию, но в отлаженный ритуал с более определенной и жесткой системой требований к его исполнению. Именно тогда они могли бы иметь больше шансов обосноваться в репертуаре театра.

Лейла ГУЧМАЗОВА.

А. Хазанова, И. Петрова и С. Филин в балете «Урок».
Фото А. Бражникова.

«Перипетии любви» оставили двойственное впечатление. С одной стороны, это хорошо срежиссированные истории любви, имеющие свою завязку и развитие, традиционные для классического танца. С другой — типичный интрьер бессюжетности, мягко растущий класс на середине зала, организуемый в основном привычным для класса аккомпанементом фортепиано. «Класс» грешит порой длиннотами и невнятицей, но функции нужной для фона тонировки ему удалась. Не самую изобретательную хореографию Йорга Маннеса расцвелили исполнители. Практически без помарок танцевали главные герои, справляясь с непривычными поддержками, а солирующие пары постарались и прорисовать образы. Дуэт Наталья Маландина — Илья Рыжаков выглядел сыгранно-непосредственным и вполне земным, уверенным и реалистичным. Пара Мария Александрова — Артем Вахтин исходила из другой системы ценностей: их дуэт был более тонким и духовным, справляющимся со сложнее решаемыми проблемами. Они

луу принца-рыцаря-романтика. Он даже заставил пристальнее взглянуться — не замена ли? — настолько неожиданным был его выход в роли Учителя. В представленной роли Филин выглядел не просто нетрадиционно, но эксцентрично, вдруг обнаружив вкус к гротеску. Не хватило буквально пустяка — последовательности в развитии, но, сдается, это произошло от недописанности режиссуры, недосказанности или, наоборот, многословия текста роли. Аккуратно выглядевшей Ученице — Инне Петровой, если спектакль выйдет в репертуар театра, придется либо смириться с маской доверчивой беззащитности, что проще и менее интересно, либо примерить другую — хрупкого, но одержимого трудолюбия, идущего к цели и, увы, не одолевшего пути. При такой трактовке исполнять роль будет труднее, но конфликт станет гораздо выразительнее. Что касается Пианистки — Алисы Хазановой, то тут соответствие амплу настолько точное, что показалось обидно малым количеством отведенного ей текста. Экс-